

О ВЕДУЩИХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ЯЗЫКОЗНАНИИ XXI ВЕКА

В работе дается анализ направлений, в которых развивалось языкознание XX столетия и с этих позиций дается прогноз развития науки о языке в будущем. Наиболее перспективным в этом плане автор видит сближение языкознания с фундаментальными науками (математикой и физикой) и разработку геометрической модели языка, построенной с учетом наиболее общих системных отношений. По мнению автора, такая модель позволит лучше понять не только язык, но и окружающий человека мир. Работа имеет общетеоретический характер.

Языкознание XX века оставило XXI веку богатое наследие: традиционная грамматика, сравнительно-историческое языкознание, логическое, психологическое, социологическое направление, структурализм и знаковая теория языка, типологическое языкознание и языковые универсалии – вот далеко не полный перечень актуальных проблем современной лингвистики. Одной из тенденций современного языкознания остается расширенная и углубленная теоретическая и практическая разработка этих проблем с применением новых принципов, методов и методик лингвистического исследования, которая приводит к глубокой дифференциации исследований даже внутри каждого из направлений. Современное языкознание предстает перед нами как разветвленная и многоаспектная лингвистика, которая опирается на все достижения прошлого и включает в себя различные научные традиции разных эпох и поколений.

Этот процесс развития науки о языке характеризуется еще одной тенденцией – расширением связей лингвистики с другими науками. Уже на ранних этапах развития языкознания обозначилась его связь с философией, логикой, психологией, историей и некоторыми другими науками. Современное языкознание расширило и укрепило связи не только с отмеченными науками, но и с целым рядом других гуманитарных, естественных и физико-математических дисциплин. Это такие науки, как социология, этнография, география, молекулярная биология, биофизика и биохимия, нейрофизиология, кибернетика, математика, теоретическая физика и т. д. Эта тенденция привела к возникновению на стыке наук новых лингвистических дисциплин: социолингвистики, этнолингвистики, лингвогеографии, нейролингвистики, математической лингвистики, инженерной лингвистики, лингвосемиотики и т. д. Такая специализация вызывает к жизни еще одну тенденцию – стремление к интеграции научных исследований, и к осмыслению их результатов в рамках общей теории языка.

Внутри языкознания тенденция объединения разных школ и направлений в рамках общей теории языка обозначилась еще в 60-е годы XX века. О необходимости интеграции говорилось уже в 1962 г. в Кембридже (США) на

IX Международном конгрессе лингвистов. В конкретных исследованиях наиболее ярко эта тенденция проявилась в оживлении интереса к лингвистическим универсалиям, к проблемам общего языкознания (Е. Курилович, А. Мартине, Ю.С. Степанов, Р. Якобсон и др.), в убеждении в том, что за поражающим многообразием языков мира скрываются общие для всех их свойства. Мысль о том, что при всем безграничном несходстве языков они созданы как бы по единому образцу, стала доминирующей в общей теории языка. Поиски этого образца, единой внутренней структуры языка оказались тесно связанными с главной тенденцией современной фундаментальной науки – поиском непротиворечивой основы мироздания и созданием на ее базе общей теории науки.

Рассмотрим этот вопрос более подробно¹.

В современной фундаментальной математике и физике единых теорий является общепринятым представление о том, что в основе мироздания должна лежать геометрическая фигура. Один из создателей квантовой механики, лауреат Нобелевской премии австрийский физик-теоретик Э. Шредингер (1887 – 1961) писал: «В эйнштейновской теории гравитации представление о материи и ее динамических взаимодействиях базируется на понятии геометрической структуры, внутренне присущей пространственно-временному континууму. Идеальным устремлением этой теории, ее конечной целью является не более не менее как доказательство следующего утверждения: четырехмерный континуум, наделенный определенной внутренней геометрической структурой, структурой, которая подчинена определенным, присущим ей чисто геометрическим законам, должен представлять собой адекватную модель или картину «окружающего нас реального мира в пространстве и времени» со всем, что он содержит, описывающую его поведение как целого, – картину всех событий, разыгрывающихся в нем»².

Другой известный ученый, крупнейший математик XX столетия Г. Вейль утверждал: «Осознание мира, как он приходит к нам от Бога, не может быть достигнуто путем знания, кристаллизованного в отдельных суждениях, имеющих независимое значение и относящихся к определенным фактам. Оно может быть получено только путем знаковой конструкции»³.

Поиски геометрического образа мироздания – центральное место современных Теорий Великого Объединения, где в геометрической фигуре должны непротиворечиво объединяться четыре фундаментальные силы – сильное, слабое, электромагнитное и гравитационное взаимодействия, которые действуют в природе и на базе которых объясняется строение и эволюция материи. Фактически их непротиворечивое объединение приводит к получению Абсолютной Истины, то есть незыблемой основы мироздания, из которой вытекают все законы, управляющие им, так как какие-либо иные фундаментальные силы науке неизвестны. Поэтому в физике единые теории

¹ Развиваемые далее положения детально описаны в работах: *Гируцкий А.А.* Наука и религия. Минск, 1999; *Гируцкий А.А.* Общее языкознание. Минск, 2001.

² *Шредингер Э.* Пространственно-временная структура Вселенной. М., 1986. С. 10.

³ *Вейль Г.* Симметрия. М., 1968. С. 185.

носят название Теорий Великого Объединения. Это классический физический вариант попыток создания Теории Великого Объединения, где физики-теоретики стремятся построить такую теорию, из которой однозначно вытекали бы значения всех параметров элементарных частиц, полей и взаимодействий Вселенной и которые можно было бы объединить одной константой связи. Однако более широко современный научный смысл Теории Великого Объединения формулируется выражением «все связано со всем», где задача теории – найти основу этой связи. Содержание такой теории уже выходит за рамки чисто физических проблем, поскольку требует непротиворечивого объединения живого и неживого.

Еще Платон наивысшую красоту и наивысшее совершенство в построении мироздания находил в пяти правильных многогранниках. Он так распределяет их между основными элементами мира: земля – куб, огонь – тетраэдр (правильная треугольная пирамида, воздух – октаэдр (восьмигранник), вода – икосаэдр (двадцатигранник). Всему же миру, по мысли Платона, Творец придал форму правильного додекаэдра (двенадцатигранника). Немецкий физик, лауреат Нобелевской премии В. Гейзенберг (1901 – 1976) считал, что для правильного понимания мироздания нужно отказаться от понятия «фундаментальная частица», и заменить его понятием фундаментальной симметрии, и что нужно отыскивать не фундаментальные частицы, а фундаментальные симметрии, от которых зависит спектр частиц и их взаимодействие. Он полагал, что физика частиц информирует нас, строго говоря, о фундаментальных структурах природы, а не о фундаментальных частицах⁴.

Понятие структуры становится одним из самых распространенных в науке XX века. В физике микромира наиболее фундаментальными структурами оказываются различного рода симметрии – поворотные, зеркальные и другие. Все явления микромира предстают в виде симметричной картины, которая следует из основных принципов квантовой теории поля. Биология объявляет асимметрию незыблемым законом живой природы, вводит принцип комплементарности в структуру генетического кода. Лингвисты С.О. Карцевский, В.Г. Гак и другие говорят об асимметрии языкового знака. Лауреат Нобелевской премии биолог-генетик Ф. Жакоб, лингвист Р.О. Якобсон, другие биологи и лингвисты обсуждают проблему структурного изоморфизма генетического кода и естественного языка. В математике создается теория математических структур. В языкознании широко проникают идеи математического конструктивизма. В психологии получает широкое развитие концепция структурной психологии, согласно которой психические акты всегда выступают в определенной целостной системе, в их взаимной связи и обусловленности. Структурализм, захватив и языкознание, делает возможным создание единого основания для сравнения языковых систем. Общая теория науки ищет единое основание для микромира и макромира.

⁴ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 49.

Характеризуя состояние современной физики, В. Гейзенберг высказывает мысль, что она осуществляет переход от принципов атомиста Демокрита к принципам идеалиста Платона. По этому поводу он замечает: «Если постижения современной физики элементарных частиц сравнивать с какой-либо из философий прошлого, то речь может идти лишь о платоновской философии; в самом деле, частицы современной физики суть представления групп симметрии – этому нас учит квантовая теория, – и, стало быть, частицы аналогичны симметрическим телам платоновского учения»⁵. По его мнению, современная физика со всей определенностью решает вопрос в пользу Платона. Мельчайшие единицы материи являются здесь не физическими объектами в обычном смысле слова, а формами, структурами или идеями (понятиями) в смысле Платона, о которых можно однозначно говорить только на языке математики. Единые теории в основном и оперируют понятиями, воплощая их в формы математической физики. Большинство физических теорий имеют как бы три стадии воплощения: доказательство с помощью физико-математического аппарата формул; экспериментальная проверка теорий; анализ полученных результатов, уяснение смысла формул и эксперимента с помощью естественного языка. Для экспериментальной проверки современных единых теорий необходимо было бы иметь частицы с энергией порядка 10^{19} Гэв. А по оценкам специалистов, крупнейший ускоритель (он опоясывал бы Землю по экватору), который можно было бы построить на Земле, позволил бы получить частицы с энергиями порядка 10^7 Гэв. Поскольку в условиях Земли современные единые теории не могут пройти экспериментальную проверку, то конечным результатом осознания их истинности остается анализ смысла с помощью естественного языка. В конце концов физика также вынуждена полагаться на естественный язык. А это означает, что в конечном итоге физики пришли к слову.

В современной науке актуальным остается требование полной ясности в изложении теории и неизбежная неточность и недостаточность понятий для выражения ее полного содержания. Язык математики не решает всех проблем, поскольку с одной стороны, требует окончательной смысловой интерпретации полученных результатов с помощью естественного языка, а с другой – остается неясным, насколько математический язык применим ко всем явлениям. В. Гейзенберг в этой связи заметил: «Ситуация, с которой мы сталкиваемся в наших попытках «понять», может привести к мысли, что существующие у нас средства выражения вообще не допускают ясного и недвусмысленного описания положения вещей... В атомной физике мы используем весьма развитый математический язык, удовлетворяющий всем требованиям ясности и точности... Было бы, однако, слишком преждевременным требовать, чтобы во избежание трудностей мы ограничились математическим языком. Это не выход, так как мы не знаем, насколько математический язык применим к явлениям. Наука тоже вынуждена в конце концов поло-

⁵ Там же. С. 173.

житься на естественный язык, ибо это единственный язык, способный дать нам уверенность, что мы действительно постигаем явления»⁶.

В современную физику фундаментальных исследований широко входят в качестве терминов слова с художественной образностью: *кварк* (от англ. *quark* – образ таинственного духа, заимствованный из романа Дж. Джойса «Поминки по Финнегану»; отсюда и наименование частицы, не наблюдаемой в свободном виде и экспериментально не обнаруженной), *аромат*, *ёж*, *пена* и др. Среди пяти типов кварков, или так называемых ароматов, выделяют *очарованный*, *странный*, *прелестный*. И в этом проявляется своя закономерность – образность физической науки приближает ее к разгадке глубинных тайн бытия, где физика и лирика смыкаются в одно целое. Язык как основной и естественный инструмент познания оказался не только главным и последним прибежищем истины для любой науки, но и источником, исследуя который, стало возможным проникновение в сокровенные глубины бытия. Древнейшая лингвистическая метафизическая идея о Слове как основе становления мира как целого стала научной реальностью, чему в немалой степени способствовали широкие связи лингвистики с другими науками. Строго говоря, если в начале было Слово, то построив непротиворечивую геометрическую модель реального слова, можно получить основу мироздания. В этом случае геометрическая модель слова в его структурном аспекте должна обладать огромной объясняющей силой и для других объектов микромира и макромира, что и показали в работах автора.

Для современной фундаментальной науки стало абсолютно очевидно, что изучение Вселенной и изучение сознания человека и его внутреннего мира неразрывно связаны между собой и что окончательный прогресс в одной области невозможен без прогресса в другой. Без ясного представления о структуре сознания, степени его свободы, о формах, в которых оно отражает мир, об ограничениях, накладываемых на познание биологической природой человека, невозможно говорить об адекватности любой теории действительному устройству мироздания. В физике этот принцип получил название антропного. Характеризуя важность антропного принципа в познании явлений, П.Т. де Шарден писал: «В силу наивности, по-видимому, неизбежной в первый период, наука вначале воображала, что она может наблюдать явления в себе такими, какими они протекают независимо от нас. Инстинктивно физики и натуралисты вначале действовали так, как будто их взгляд сверху падает на мир, а их сознание проникает в него, не подвергаясь его воздействию и не изменяя его. Теперь они начинают сознавать, что даже самые объективные их наблюдения целиком пропитаны принятыми исходными посылками, а

⁶ Там же. С. 121. Здесь возникает языковой парадокс: с одной стороны, язык математики позволяет наиболее точно, однозначно и непротиворечиво описывать разные явления, а с другой – чтобы понять окончательный смысл полученных результатов, необходимо прибегать к природному языку с его менее строгим понятийно-формальным аппаратом. Кстати, этот парадокс хорошо отражает парадокс копенгагенской интерпретации квантовой теории, которая исходит, с одной стороны, из положения необходимости описывать эксперименты в понятиях классической физики, а с другой – из признания, что эти понятия не точно соответствуют природе.

также формами или навыками мышления, выработанными в ходе исторического развития научного исследования»⁷. В современном языкознании эта проблематика, пожалуй, наиболее ярко воплотилась в новом научном направлении – когнитивной лингвистике. В работах Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, А. Вежбицкой, Т.А. ван Дейка, Дж. Лакоффа и других лингвистов поставлены и решены многие вопросы, связанные с соотношением сознания, мышления и языковых форм их выражения, разработано понятие языковой личности.

Плодотворным для современного языкознания оказалось высказанное еще В. фон Гумбольдтом положение о языке как деятельности духа. На его основе на стыке психологии, лингвистики и психотерапии сформировалось новое научное направление – нейролингвистическое программирование, перед которым стоит задача изучения психоэнергетических возможностей языка, возможностей формирования гармоничной личностной истории с помощью воздействия на личность речевыми и некоторыми иными знаковыми стимулами. В целом же перед современным теоретическим языкознанием встала задача осмысления причин, факторов и механизма деятельности духа, порождающего многообразие языков. Актуальным становится тезис Гумбольдта о том, что языки «представляют собой некий способ достижения определенными средствами определенной цели». Всестороннее рассмотрение этого вопроса и позволит приблизиться к пониманию конечной цели деятельности духа.

⁷ Шарден П.Т. *де.* Феномен человека. М., 1965. С. 34.